

Треугольных писем ждут родные,
И они как ласточки летят.
Эти письма, письма фронтовые,
Перед боем их писал солдат. Сёстры,
жены, матери, невесты — Каждая
надеется и ждёт.
И любая не находит места,
Если мимо почтальон идёт.

Письма военных лет. Они хранят память о тех днях. В них было все: короткие, скупые рассказы о войне и стихи, фотографии, вырезки из фронтовых газет, слова любви к близким, в них была заключена на тот момент - жизнь! Солдатские письма... Пожелтевшие от времени треугольники со штемпелями полевой почты... Каким спасением были они во время войны, долетевшие весточкой до наших дней, словно привет из далекой военной поры. Написанные под свист пуль, они предельно искренни и тем дороже для нас. Сколько радости приносил в семьи долгожданный, втрое сложенный тетрадный листок, в котором иногда всего два слова: «Я жив».

Во многих российских семьях бережно хранятся пожелтевшие от времени, истончившиеся в местах сгибов, исписанные, как правило, карандашом листочки с поблекшими штампами полевой почты и отметками военной цензуры. У каждого письма своя история, отражающая, как зеркало, судьбу семей, которых коснулась страшная и неотвратимая рука войны. Письма, рассказывающие историю целого народа, письма, ставшие самой историей.

1941 год

*«24 июня 1941 года
Сергей Попов*

Мама и папа!

Свершилось ужасное — позавчера немцы начали наступление на СССР. Началась новая кровопролитная война. Верим, что победа будет на нашей стороне — мы многочисленны, сильны и имеем громадную территорию, захватить которую невозможно. Думаю, что на днях мне придётся идти в армию. В этой сутолоке, которая всегда бывает во время войны, надо держать связь между собой. Привет Вам от Маринуси — она сейчас бегает по вопросам, связанным с устройством бомбоубежища, доставанием масок и ходит на курсы медсестёр. Жизнь в Москве течёт нормально, но вся публика занята сейчас одним вопросом — как разгромить немца. Верим, что немец будет разгромлен, что СССР победит и выйдет ещё более окрепшим из этой войны.»

*«11 июля 1941 года
Иван Золотарёв (единственное письмо).*

Здравствуйте, дорогие сестры Клавдия, Фиса, племянники Боря, Вена. Всем любящий привет. Всех целую миллионы раз.

Если придет моя дорогая семья, передавайте привет. Целуйте за меня моих детей любимых, за которых отдам всю свою жизнь в победе над фашистами. Я скоро еду на фронт из Киева. Здесь нахожусь уже 3-й день, т.е. с 08.07. Нюра с детьми выехала до вас 28.06. Не знаю, как они, живы или нет, сообщите в Киев по указанному адресу. Пока жив, здоров. Желаю вам успеха в тылу, бить врага беспощадно, быть стахановцами на производстве, укреплять тыл, а мы на фронте будем крепить и бить врага. Обо мне пусть не беспокоится семья — мне такой путь, путь борьбы. Устройте с квартирой и работой, и пусть добьются получения пенсии за меня. Целуйте моих детей за меня.

Темнотой застилает глаза. Слезы льют. Прощайте, мои дорогие родные. Желаю вам здоровья и успеха, и долгой жизни.

Передавайте ещё раз привет дорогой Нюрочке и деткам.

Целую всех миллионы раз, прощайте.

11.07.41г. Киев, в 7 час. утра»

«26-28 августа 1941 года

Вина Лурье

Завещание

Прошу переслать его моей матери, Лурье, проживающей в г. Кирове, она эвакуирована из Латвии. Я умираю за Родину, за коммунизм. Прошло два месяца ожесточенной борьбы с врагом. Для меня наступил последний этап борьбы - борьба за Таллин. Отступления быть не может. Жалко умирать в 24 года, но в настоящей борьбе, где на весах истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою также отдаю, зная, что будущее поколение и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминать как освободителей мира от ужасной чумы. Что еще писать?

Мама! Не огорчайся. Я не первый и не последний, положивший голову за коммунизм, за Родину. Да здравствует СССР и победа над врагом! Товарищ, верь, взойдет она, Заря пленительного счастья. Фашизм будет уничтожен, И на обломках самовластья Напишут наши имена!

Комсомолец Латышского полка Вина Лурье»

«19 октября 1941 года

Андрей Полюшек

Здравствуй, дорогая Дусенька!

Здравствуйте, славные котики Анатолий, Ида, Сашенька, Валя, — привет вам от вашего отца. Дусенька, мне хотелось бы написать тебе о том положении, которое создалось около Москвы. Я хорошо понимаю, что твоё положение сейчас очень тяжёлое, особенно в это время, когда Гитлер прёт на Москву. Из газет тоже знаю, что фашисты стали часто налетать на Москву.

Прежде всего, дорогая, не нужно бояться того, что гитлеровская бидка-«проститутка» захватит Москву, — этому не бывать, к Москве он не подойдёт, под Москвой немцы должны сломить голову и сломают, от Москвы им придётся катиться без головы. Конечно, положение создалось тяжёлое, но не нужно

падать духом и теряться — это основное. В каких переделках мне пришлось побывать на фронте и если бы я хотя бы немного растерялся, то, возможно, меня давно не было живым. А наоборот — в бою мне командование доверило отделение, которым я командовал до последнего дня моего ранения, и ребята были хорошие. Могу сообщить тебе, что с моим ранением дело обстоит хорошо — рану затянуло, осколок в ноге пока что беспокоит. Прошёл комиссию — теперь жду результат и опять поеду на фронт. Ты не представляешь себе, как надоело в госпитале лежать.

Дусенька, если будут эвакуировать, то смотри сама... Но лучше всего эвакуироваться тебе дальше от фронта. Правда, будет трудно в дороге, но лучше, чем оставаться у немца. Это я говорю на случай нападения. Но немцам не видать Москвы — об Москву они разобьют свою голову, но не увидят. Как только приеду в часть — напишу тебе письмо. Возможно, представится возможность получить хотя бы одно письмо от тебя, ты не представляешь себе, все передумаешь.

Поцелуй наших котиков за меня. Жди следующего письма от меня, как приеду в часть. Пока, прощайте, ваш отец Андрюша, о себе, по-возможности, буду давать знать»

«29 ноября 1941 года

Вера Поршнева. Записка матери

Завтра я умру, мама. Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья — партизаны. Они уничтожат захватчиков. Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громят оккупантов. Наша победа недалеко!»

В минуты редкой тишины,
Между кровавыми боями,
Пускай к тебе мои мечты
Летят, гонимые ветрами.
Пишу письмо тебе, родная,
Ночной безоблачной порой.
Склонилась ива надо мной,
Ветвями нежно обнимая,
Под шелестящею листвою,
Уединение скрывая.
И мне привиделось в ночи
Как будто нет лихой войны,
А мы с тобою в чудной сказке.
Жаль явь развеет чудеса
С лучами первого рассвета.
Целуй детишек за меня!
Я с нетерпеньем жду ответа!

1942 год

«01 января 1942 года
Фёдор Толмачёв

Мой дорогой крестничек Михель, поздравляю Тебя с наступившем новым тысяча девятьсот сорок вторым годом.

Желаю тебе, мой мальчик, расти на радость своему папке, крёстному и своему дорогому дедушке, расти Мишенька на радость нашей великой Родины, на радость русскому народу. Я точно не знаю, где твой папка - дома или на фронте. Судьба, Мишенька, играет человеком, как сказал великий полководец Суворов.

Ты, Михель, мой славный мальчик, краса и гордость нашей фамилии, ты вырастешь и будешь настоящим мужчиной, и, если не дай бог твой папка и крестный падут Смертью Храбрых, защищая русский народ, ты вырасти большой и станешь танкистом - отомсти врагам за всё. Раздави гадов губительным огнём и гусеницами своей машины, как это делает твой крёстный, не щадя жизни своей, защищай свою страну, свой народ, свою славянскую кровь, свою фамилию.

Ты, Михель, наследник этой фамилии, расти, сынок, быстрее, неси зажжённый факел жизни вперед, чтобы было светло нашему народу. Вот мои пожелания тебе в наступивший новый 1942 г. Расти большой, крепкий, выносливый. Расти на радость Родины, на страх врагам и помни, что была Великая Отечественная война русского народа, участие в которой принимали и члены фамилии, которую ты носишь. Будь храбрым, скромным, помни: твой крёстный не показывал спины ни своим друзьям, ни врагам.

У меня сегодня необычайно много времени, я пишу за шесть месяцев письма всем своим родным и знакомым.

Дорогой Мишенька, поцелуй дедушку и бабушку, передай им от крёстного низкий сердечный поклон. И если дома папка, передавай ему и маме горячий братский привет, и дяди Коле, и тетям Тане, Лёле, и Соне, и Шуре, и Галочке, и всем, всем детям.

До свидания, а может быть, прощай, дорогой крёстничек, целую тебя крепко. С фронтовым танкистским приветом твой крёстный Фёдор Толмачёв»

«12 мая 1942 года
Борис Ильин

Здравствуй ластонька моя! Здравствуй Алюська! Здравствуйте все остальные.

Пишу перед наступлением. Распеваю всё время песнь Торопки из «Аскольдовой могилы». Настроение хорошее, здоров, на грохот и ужасы войны не обращаю внимания. Мне можете не писать, потому что перебрасывают часто. Случится беда большая – сообщат, если захвораю – сам напишу ещё, а пока всё. До свидания.

Целую много раз, обнимаю много раз, ваш папка Боря. Твои и Алюскины письма все свеж, хоть и было это делать тяжело.

Боря»

*«24 июля 1942 года
Николай Кузнецов*

Комиссару отряда майору Стехову.

Завтра исполняется 11 месяцев моего пребывания в тылу немецких войск. 25 августа 1942 года в 24 час. 05 мин. спустился на парашюте, чтобы нещадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, которые стонут под ярмом немецких оккупантов. 11 месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера. Я готовился к смертельному для фашистов удару, пробивался в самое логово сатрапа - немецкого тирана на Украине Эриха Коха. Задание очень важное, и, чтобы его выполнить, нужно пожертвовать своей жизнью, ибо уйти из центра города после удара по врагу на параде - совершенно невозможно. Я люблю жизнь. Я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главарь, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце. Немецкие кретины Гитлер, Кох и компания думали уничтожить наш великий советский народ. По своему скудоумию они думали, что в море крови можно утопить русский и другие братские народы СССР. Они забыли или не знали истории, эти дикари XX века. Они поймут это 29 июля 1943 года по свисту и взрыву противотанковой гранаты, когда их поганая немецкая кровь брызнет на асфальт... Пусть я умру, но в памяти моего народа я буду бессмертен. «Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету». Это мое любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодежь, из него я черпал силы для подвига.

Ваш Кузнецов.

Прочитать только после моей гибели»

*«Конец сентября 1942 года
Олег Кошевой*

Клятва.

Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем. Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии». Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого пусть покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

*«04 ноября 1942 года
Вера Хоружей. Письмо из Витебского подполья*

Дорогие друзья мои! Посылаю вам «Минскую газету» и пачку серьезных немецких газет из Франкфурта и Гамбурга. Может быть, вы их не получаете. Это влиятельные газеты, «делающие политику». В них много интересного... Исключительно интересны статьи о Сталинграде и Ржеве. В них признается не только сила Красной Армии и высокая похвала ей, но и ужас перед этой силой. В «Минской газете» интересна речь гауляйтера Вильгельма Кубе, обращенная к белорусским рабочим. Подлизывается, сволочь, на все лады. А «Берлинская иллюстрированная газета» показывает (для немцев) истинные цели освобождения. Самый интересный листок посылаю. При виде этой иллюстрации хочется и плакать, и ругаться, и бить, и громить их изо всех сил. Может быть, используете эти иллюстрации. Мне срочно нужно ваше указание. Есть слух, что фельдкомендатура дала приказ постепенно забирать мужчин из города в лагерь военнопленных. Как поступить: уходить в лес - за это немцы арестовывают семьи и конфискуют имущество, оставаться и идти в лагерь, чтобы угнали в Германию? Дайте ответ.

Вера»

1943 год

*«10 февраля 1943 года
Сергей Чеботнягин*

Здравствуйте, дорогие родители!

Пишу вам сообщить, что я жив и здоров. Вы уже слышали по газетам, что 2 февраля полностью уничтожена Сталинградская группировка противника — приказ вождя т. Сталина нами выполнен с честью: от 22 дивизий, окружённых под Сталинградом, осталось одно воспоминание да тысячи пленных, которые сейчас тянутся по дорогам от Сталинграда чёрной рекой, тысячи убитых и раненых, груды оружия и техники.

Нахожусь я сейчас недалеко от г. Сталинграда. После уничтожения группировки мы оказались в глубоком тылу на 400-500 километров от фронта. Началась тыловая жизнь. Правда, скучновато, но ничего — переживём. Сообщаю вам, что я награждён медалью «За отвагу» — эта награда ещё больше меня обязывает, не щадя жизни, сражаться за освобождение нашей земли от немецких оккупантов.

Вашу посылку получил — она оказалась второй, а первую не получал. От Любы некоторое время не получаю писем.

*Пока всё,
ваш сын Сергей»*

*«12 марта 1943 года
Катя Сусанина. Письмо с фашистской каторги*

Дорогой, добрый папенька!

Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери. Несколько слов о

матери. Когда вернешься, маму не ищи. Ее расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил ее плеткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала, вот ее последние слова: «Вы, не запугаете меня битьем. Я уверена, что муж вернется назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот... Папенька, мне сегодня исполнилось 15 лет, и если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь - у меня отбили легкие. А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины! Ты мне, папа, тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл патефон, подружки поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню. А теперь, папа, как взгляну на себя в зеркало - платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет, - и соленые слезы текут из глаз. Что толку, что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают. Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю у немца Шарлэна прачкой, стираю белье, мою полы. Работаю очень много, а кушаю два раза в день в корыте с «Розой» и «Кларой» - так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русс была и будет свинья», - сказал он. Я очень боюсь «Клары». Это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку. Живу я в деревянном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плеткой по голове и спине. Два раза я убегала от хозяев, но меня находил ихний дворник. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал. Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что господа уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут и меня с собою. Нет, я не поеду в эту трижды всеми проклятую Германию! Я решила лучше умереть на родной сторонешке, чем быть втоптанной в проклятую немецкую землю. Только смерть спасет меня от жестокого битья. Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых, жестоких немцев, не давших мне жить!.. Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, добрый папенька, ухожу умирать.

Твоя дочь Катя Сусанина. В душе я спокойна, а сердцем уверена. Любимый Сталин Вышвырнет немецких убийц с родной земли.

Мое сердце верит: письмо дойдет

Лиозно, 12 марта 1943 года»

«26 июля 1943 года
Александр Малков

Добрый день! Как живете, дорогие?

Я нахожусь на передовой, по-прежнему здоров. Письма ваши получаю часто и очень рад им. О своей жизни много вам писать не буду, так как уже много писал. Впереди, у нас предстоят жаркие бои, когда наши войска начнут наступать по всему фронту и начнется освобождение нашей земли от немчурь. Пишите больше. Как живете, получает ли мать, что-нибудь в военторговском магазине. Выслал вам 250 руб., получили ли вы их, почему не пишете.

Привет Соне.

Будьте здоровы, ваш Саша»

*«13 октября 1943 года
Эдуард Воронин*

Дорогие мои!

Я жив, здоров, чувствую себя хорошо. Вчера написал вам письмо и забыл число написать. Это потому, что не было времени дописывать письма, ведь я нахожусь на передовой. Дела наши хорошие, но много товарищей нет в живых, некоторые ранены, но война не может быть без потерь. Немец цепляется за каждую горку, возвышенность, все хочет удержаться на нашей Украине. Он все сжигает, истребляет, но за это, конечно, жестоко поплатится. Знаете, сколько я видел, что мне жутко становится, что немец творит на нашей земле. Ну как там у вас дела? Напишите письмо, ведь мне так приятно было бы получить письмо и узнать, что у вас все в порядке. Ведь узнать что-нибудь о доме, о вас, это для меня самое ценное.

Как живет папа, не болит ли его раненная нога. Ведь я уже за папу отомстил, за себя тоже, если хоть и убьют, то уже три немца лежат погибшие от моей руки. Правда я тоже был на волоске от смерти два раза и благополучно спасся, а мой товарищ погиб. Мы с ним растерялись и рассказывают, на переправе через Днепр его ранило, и он упал в воду. Точно они сказать не могут, но говорят, что, наверное, утонул. После этого мне стало не по себе. Мне показалось, что я потерял родного брата, с которым как будто бы жил всю жизнь. Ведь знаете, как трудно на фронте потерять друга.

Ну, дорогие мои, пока, целую всех вас крепко. Эдик. Всем привет»

*«Декабрь 1943 года
Борис Старостенко*

Здравствуйте, уважаемая Аня!

Я, как друг Вашего уважаемого мужа Александра, решил написать Вам маленькое письмо и сообщить некоторые вести о вашем муже. Вашего мужа я знал по совместной работе с 28 сентября 1943 года, когда он прибыл к нам в часть, и я встретил его. У нас завязался разговор про его боевые дела, я узнал, что мы учились в одном училище. Аня, ваш муж всегда находился совместно со мной на передовой позиции, и совместно мы громили врага.

23 октября мы с ним выполняли боевую задачу. При выполнении задачи он показал себя решительным, бесстрашным командиром, но в это время настигла вражеская пуля, и Александр был тяжело ранен, но через час после этого мне сообщили очень печальную весть, что Александр помер.

Уважаемая Аня, пишу Вам письмо и высылаю часть Ваших писем, которые вы писали своему мужу, также сообщаю адрес места похорон Вашего мужа: Запорожская обл., Васильевский р-н, с. Украинка, похоронен на сельском кладбище.

Аня, когда получите моё письмо, то прошу, напишите хотя бы маленькое письмецо, как живёте.

*Пока до свидания,
С приветом Борис»*

1944 год

«24 июля 1944 года
Евсей Кругликов

Привет москвичам из действующей армии!

Пользуюсь свободной минутой, чтобы сообщить вам о том, что я жив, абсолютно здоров и чувствую себя великолепно. Я себе представляю с каким восторгом москвичи, в т.ч. и вы, встречаете каждое сообщение о победоносном шествии Красной Армии. Можете себе представить, что самих фронтовиков это не в меньшей степени радует. Вот почему я себя чувствую так хорошо.

Фронтная «музыка» почти не прекращается. А если она временно прекращается, то кажется несколько скучновато. Вот сейчас «сыграла» неподалеку от меня «Катюша». На немцев эта игра действует ошеломляюще. Нас же эта музыка бодрит. Добровольно немцы ни одного захваченного клочка не возвращают. Все приходится брать с боем. Они огрызаются артогнем, но нам он не страшен. Мы его заглушаем и идем вперед.....

Целую Евсей»

«06 октября 1944 года
Евсей Кругликов

Здравствуйте мои дорогие!

За последнее время я стал еще реже писать. Пусть это вас не беспокоит. Я жив, здоров, цел и невредим. За прошедшее время со дня моего отъезда, я побывал во многих местах, многое видел и пережил. Повстречал я людей из-под Ленинграда, Новгорода, Калининской и Орловской областей и других районов, людей наших – советских, превращенных гитлеровцами в рабов, а ныне нами освобожденных. Можете себе представить с какой радостью они встречают своих освободителей, стремясь скорее попасть к себе на Родину. Видел я сотни советских деревень и городов, разрушенных до основания гитлеровскими бандитами. Посетил места, где гитлеровские палачи замучили и истребили тысячи и десятки тысяч наших советских людей, в том числе совершенно ни в чем не повинных детей. Никто из нас никогда не забудет то, что лично видел и что узнал из сообщений печати о зверствах гитлеровских разбойников в других местах.

И вот теперь, когда мы приближаемся к границам Германии и собираемся непременно там побывать, перед каждым из нас встает вопрос: как отомстить за все эти злодеяния? Разумеется, мы не сможем вести себя на территории Германии так, как они вели себя на нашей земле. Но как же им заплатить за всё? Трудно придумать. Поживем – увидим.....

*Крепко обнимаю и целую
Евсей»*

*«07 ноября 1944 года
Евсей Кругликов*

Здравствуйте мои дорогие!

Сегодня вместе с вами отмечаю 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, условия у нас неодинаковые, но праздник общий и я всем своим существом с вами. До сих пор я почему-то не был расположен и не мог собраться мыслями, чтобы поделиться с вами хотя бы об одном прошедшем дне. А сегодня ради праздника хочу увеличить объем моего письма и сообщить как я встретил Великий Октябрь.

В то время, когда каждый из вас по своему готовился к празднику: кто заканчивал учебную работу и готовился пойти на вечер с танцами, или организовать у себя дома вечеринку; кто напрягал свои усилия, чтобы выполнить и перевыполнить производственные планы; кто, кроме мобилизации людей на выполнение и перевыполнение плана, нервничал и беспокоился за явку людей на торжественное собрание; кто каждодневно следил и внимательно вслушивался в сводки Совинформбюро и прочитывая газеты думал и хлопотал над тем, как бы лучше отметить праздник и приготовить кое-что повкуснее /так, примерно, каждый из вас готовился к празднику/. Я был занят другим: передо мной стояла задача – наиболее полно изучить противостоящего противника, раскрыть его намерения, не дать себя обмануть, а наоборот обмануть его.

Из доклада т. Сталина знаете, что мы доколачиваем немецкую группировку численностью более 30 дивизий. Для того, чтобы успешнее бороться с коварным врагом, у нас должна хорошо работать разведка. Одним из способов разведки является поимка «языка». Так вот, в честь праздника решили мы во что бы то ни стало поймать «язык» /т.е. фрица, или как его у нас называют, «рыжего»/. Накануне была проделана большая подготовительная работа: изучено расположение огневых точек противника, выбран объект, т.е. «рыжий», который каждую ночь ведет по нам огонь из пулемета, определен план и способ действий разведчиков, определены задачи поддерживающих разведчиков огневых средств, установлены сигналы и т.д.

Сегодня в честь 27-й годовщины Великого Октября и одержанных нами побед во многих городах СССР будет дан салют. Мы же этот салют дали вчера. Но наш салют отличается тем, что мы в течение минуты выпустили солидное количество пуль, снарядов и мин по противостоящему противнику, нанося ему потери в живой силе и технике. После этого ночь прошла относительно спокойно: слышна была обычная ружейно-пулеметная редкая перестрелка и методический арт.-минометный огонь.

Если в первые дни пребывания на фронте эта своеобразная «музыка» взвинчивала нервы, то сейчас воспринимаю ее почти спокойно и даже способен противопоставить ей настоящую музыку. Находясь на НП в 400 метрах от противника, я сегодня рано утром стал восстанавливать в памяти отдельные арии и мелодии из опер и оперетт, не обращая внимание на редкие разрывы кое-где мин и снарядов. Мне казалось, что я уже все позабыл. Но когда стал вспоминать то оказалось, что хорошая музыка, хорошие мелодии и арии долго сохраняются в памяти. Кстати, должен отметить, что перечень наименований опер и оперетт нами прослушанных в театрах – довольно солидный.

Восстановив в памяти часть наименований прослушанных нами опер и оперетт, я попытался также восстановить в памяти их авторов /композиторов/, а затем принялся за отдельные арии и увертюры. Разумеется, много мелодий я позабыл, а некоторые сохранились в памяти в виде отрывков,

но много арий и мелодий хорошо помню, рекомендую и вам в свободные минуты заняться подобной «работой». Я этим занялся сегодня утром потому, что у меня – особо праздничное настроение.

Днем состоялся торжественный обед, после которого я смотрел и слушал артистов не Большого и не малого театров, а бригады самодеятельности. После этого решил написать вам данное письмо и лечь как следует отдохнуть, пользуясь небольшой паузой в боевых действиях.

Крепко всех вас целую
Евсей»

1945 год

«23 апреля 1944 года
Евсей Кругликов

Здравствуй Сонька!

Я знаю, что все вы беспокоитесь и ждёте от меня письма. Но по некоторым обстоятельствам получился перерыв в моих письмах. Постараюсь заполнить пробел. Я тебе уже писал, что я совершил экскурсию в некоторые города Польши и Германии. Правда, у меня получается нечто вроде «галопом по Европам», но и в ограниченное время, коим я располагаю, можно себе создать некоторое впечатление о местах, где сравнительно недавно происходили бои с фашистскими ордами.

Итак, из Минска через Брест попал я в Варшаву. Учти, что я ехал поездом и поэтому, кроме разрушенных ж.д. станций и отдельных домов близ ж.д. полотна я не видел, но с польским населением я встречался и, в какой мере мне удавалось, я от них узнавал, как они жили во время немецкой оккупации. Каждый охотно делился своим горем и радовался своему освобождению благодаря Красной Армии.

Поезд меня доставил в Прагу – предместье Варшавы. Я представлял себе Прагу, как небольшое местечко. Оказывается, Прага – большой город с многоэтажными домами, магазинами, культурными учреждениями, многочисленным населением. Прага – часть Варшавы, которая, благодаря Красной Армии, почти уцелела от разрушений; здесь быстрыми темпами налаживается мирная жизнь, бойко идёт торговля всем необходимым.

Пройдя пешком по мосту через Вислу, я очутился в самой Варшаве. Впечатление жуткое. Некогда культурный многолюдный европейский город, старинный город в Восточной Европе, превратился в гигантское кладбище. Кругом мертво, почти ни одного целого дома, всё разрушено. Лишь кое-где на окраинах встречаются уцелевшие дома. Оставшиеся в живых жители Варшавы разбрелись по всему свету. Не только поляки, но и весь цивилизованный мир никогда не забудут и никогда не простят гитлеровским ордам то, что они сделали с Варшавой, как и с многими другими городами Европы, в особенности, в СССР.

Из Варшавы, некоторое расстояние на машинах и некоторое расстояние поездом, я поехал в Данциг – в т.н. вольный город. Предварительно побывал в ряде маленьких и больших городов Польши, в том числе Бидгош (Бромберг). Кстати, этот город немцы переименовали в Бромберг, выгнали из него поляков и заселили немцами. Сейчас там немцев нет, а поляки постепенно

возвращаются в свой родной город. Во всех городах и местечках, в большей или меньшей мере, видны следы разрушений, следы хозяйничания гитлеровских мерзавцев. Данциг значительно меньше, чем Варшава, но также разрушен, и очень долго придётся его восстанавливать. Польское население городов и деревень очень радушно встречает бойцов и командиров Красной Армии, не в пример тому, где жила Женя. Каждый поляк питает жгучую ненависть к гитлеровцам и искреннюю дружбу к советским людям, к Красной Армии. Не удивительно, многие мне рассказывали, как немцы били их и штрафовали только за то, что они разговаривали на своём родном языке. На улице поляки должны были говорить только по-немецки или вовсе молчать. На территории Западной Польши видел я много верениц немцев и немок (Vran), шествующих со своим скорбом из Польшы в другие места. Наконец-то и они узнали, что такое война...

Побывав в Польше, я решил посмотреть места недавних боёв в логове фашистского зверя. Из Данцига на машине я поехал в немецкую Померанию. Я не был в восточной Пруссии, но мне кажется, что все немецкие города так же мрачны, как и города восточной Пруссии. Наши русские классики исключительно правдиво описывали города Германии. Каким-то холодом веет от каждого дома, от каждого строения. Весь стиль германских городов – стиль большой тюрьмы, причём не современной. Чистокровные арийцы (и арийки) так же мрачны, как и их дома. Теперь-то они начинают понимать, что затеяли недоброе дело и расплачиваются за него, хотя полная расплата ещё впереди.

О дальнейших впечатлениях в следующем письме. Я чуть не забыл сказать о причине перерыва в письмах. Дело в том, что пока я добирался до Данцига, меня грипп одолел, и я вынужден был с температурой 39,3 лечь в постель. 20 таблеток сульфидина (по 4-5 штук в один приём) помогли мне встать на ноги и продолжить экскурсию, но это несколько нарушило порядок в моей работе. Кстати о сульфидине. Я не знал, что сульфидин долго сохраняется в организме. Представь себе, что до сих пор у меня потеряно обоняние и вкус – всё время чувствую запах и вкус сульфидина.

Пока хватит. Крепко обнимаю и целую.

Евсей»

«09 мая 1945 года.
Дмитрий Пузанов.

Здравствуйте, Зина и Ниночка! Сегодня **День Победы**. Кончилась война на Западе. Настала мирная жизнь. Теперь мы, как никогда, можем рассчитывать на дальнейшую жизнь. Теперь нам смерть не угрожает ежеминутно, как это было на протяжении почти что четырех черных, страшных военных лет. Теперь мы начинаем говорить не о войне, а о мирном строительстве, о возвращении к своим семьям, родным и знакомым. Сейчас же мы находимся в 120 км С-З г. Берлина. Чувствуем себя прекрасно. По всей вероятности, на днях мы побываем в Берлине на Параде. Ну вот, вкратце, пока и всё. Остаёмся живы и здоровы, того и вам желаем.

Миша и Митя Пузановы»

«09 мая 1945 года.
Маркел Ситников.

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

Берлин разрушен исключительно. Немцы хотели разрушить Москву и Лондон, они получили превращенный в груды камней Берлин. Видел дома-резиденции Гитлера, Геббельса, тоже разрушенные и сгоревшие. Немцы вывешивают белые флаги, белые повязки на руку и повторяют одно и то же: «Ales kaput» (т.е. «всему конец»). Теперь они тоже поняли, что такое война и для чего она нужна. Колонны пленных фрицев в километр-полтора можно часто встретить на дорогах под конвоем 5–6 наших бойцов. Из лесов и сейчас все еще выходят фрицы без оружия, надевают белую повязку и идут сдаваться. Гражданское население теперь не с таким уже страхом, как в первые дни в Германии, но все равно исподлобья встречают нас. Зато с огромной радостью относятся военнопленные и мирные жители, завезенные из других стран, и теперь освобожденные Красной Армией. Колонны их на повозках со скарбом движутся в разных направлениях. У каждой повозки, тележки вывешен флаг твоей страны, какой национальности сам хозяин. А флагов так много, что иногда и не знаешь какой страны, не то Греции или это Норвегия, или Дания и т.п.

Был на автострадах Германии, где может в ряд идти 8 автомашин. Таких дорог в России я не видел. На 4-й день заночевали в небольшом немецком селе, а утром прибегают боец из комендатуры и сообщает, что война окончилась. Все повскакивали, хотя и было 5 ч. утра, все вне себя от радости, а утро такое солнечное, ясное, как будто только для этого дня. И пока ехали до части, везде на дорогах, в городах и повсюду говорят, что война окончилась, а толком еще ничего никто не знает. И только на 9 мая услышали по радио, что война действительно окончилась.

И вот сегодня у нас большой праздник!

Ситников Маркел Спиридонович»

Под пулями и взрывами снарядов,
Сквозь топи и метровые снега
К Победе шли четыре года кряду
И гнали прочь коварного врага.
Форсировали водные преграды,
Врага в Керчи крушили и в Орле,
Ни днём, ни ночью он не знал пощады,
Был бит на море, в небе, на земле.
В смертельной схватке с Гитлером-тираном
Вы не отдали в рабство свой народ,
Освободив захваченные страны,
На штурм Берлина смело шли вперед.
Вам всем, кто вынес ту войну,
В тылу иль на полях сражений,
Принес Победную весну –
Поклон от наших поколений!